

УДК 373.167.1:821
ББК 84.98я71
Л64

Автор-составитель *Л.А. Ефросинина*

Литературное чтение : 3 класс : учебная хрестоматия для
Л64 учащихся общеобразовательных организаций : в 2 ч. Ч. 2 /
[авт.-сост. Л.А. Ефросинина]. — 4-е изд., стереотип. — М. :
Вентана-Граф, 2019. — 192 с. : ил. — (Российский учебник).

ISBN 978-5-360-10282-3 (ч. 2)

ISBN 978-5-360-10279-3 (общ.)

В хрестоматию включены произведения для слушания и самостоятельного чтения. Главная цель пособия — обогатить читательский опыт третьеклассников, расширить их круг чтения, создать доступную читательскую среду. Каждое произведение относится к определённой разделу учебника «Литературное чтение» для 3 класса.

Учебно-методический комплект (учебник, учебная хрестоматия, рабочая тетрадь) позволяет вести дифференцированную работу с учащимися, учитывая их индивидуальные возможности.

Соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту начального общего образования (2009 г.).

УДК 373.167.1:821
ББК 84.98я71

Условные обозначения

Обратите внимание.
Это важно знать

Ответьте на вопросы,
выполните задания

Подсказка

Словарь

Послушайте Произведение читает учитель

- © Ефросинина Л.А., составление, учебные тексты, задания, 2009
- © Издательский центр «Вентана-Граф», 2009
- © Ефросинина Л.А., составление, учебные тексты, задания, 2012, с изменениями
- © Издательский центр «Вентана-Граф», 2012, с изменениями

ISBN 978-5-360-10282-3 (ч. 2)
ISBN 978-5-360-10279-3 (общ.)

О детях и для детей

А.И. Куприн

Собачье счастье

(В сокращении)

Было часов шесть-семь хорошего сентябрьского утра, когда полторагодовалый пойнтер Джек, коричневый, длинноухий весёлый пёс, отправился вместе с кухаркой Аннушкой на базар. Он отлично знал дорогу и потому уверенно бежал всё время впереди, обнюхивая мимоходом тротуарные тумбы и останавливаясь на перекрёстках, чтобы оглянуться на кухарку. Увидев в её лице и походке подтверждение, он решительно сворачивал и пускался вперёд оживлённым галопом.

Обернувшись таким образом около знакомой колбасной лавки, Джек не нашёл Аннушки. <...>

Однако пойнтер вовсе не пришёл от этого в уныние. Он хорошо был знаком с городом и потому всегда очень легко мог найти дорогу домой. <...> Пробегая мимо почты с вы-

тянутым, как палка, хвостом и вздрагивающими ноздрями, Джек с уверенностью мог сказать, что не более минуты тому назад здесь останавливался большой, мышастый, немолодой дог, которого кормят обыкновенно овсянкой.

И действительно, пробежав шагов двести, он увидел этого дога, трусившего степенной рысцей. Уши у дога были коротко обрезаны, и на шее болтался широкий истёртый ремень.

Дог заметил Джека и остановился, полуобернувшись назад. Джек вызывающе закрутил кверху хвост и стал медленно подходить к незнакомцу, делая вид, будто смотрит куда-то в сторону. Мышастый дог сделал то же со своим хвостом и широко оскалил белые зубы. Потом они оба зарычали, отворотив друг от друга морды и как будто бы захлёбываясь. <...>

И вдруг... Случилось что-то необъяснимое, почти сверхъестественное. Мышастый дог внезапно грохнулся на спину, и какая-то невидимая сила повлекла его с тротуара. Вслед за этим та же невидимая сила плотно охватила горло изумлённого Джека... Джек упёрся передними ногами и яростно замотал головой. Но незримое «что-то» так стиснуло его шею, что коричневый пойнтер лишился сознания.

Он пришёл в себя в тесной железной клетке, которая тряслась по камням мостовой, дребезжа всеми своими плохо свинченными частями. По острому собачьему запаху Джек тотчас же догадался, что клетка уже много лет служила помещением для собак всех возрастов и пород. На козлах впереди клетки сидели два человека, наружности, не внушавшей никакого доверия.

В клетке уже собралось довольно многочисленное общество. Прежде всего Джек заметил мышастого дога, с которым он чуть не поссорился на улице. Дог стоял, уткнувши морду между двумя железными палками, и жалобно повизгивал, между тем как его тело качалось взад и вперёд от тряски. Посредине клетки лежал, вытянувши умную морду между ревматическими лапами, старый белый пудель, выстриженный наподобие льва, с кисточками на коленках и на конце хвоста. Пудель, по-видимому, относился к своему положению с философским *стоицизмом*, и, если бы он не вздыхал изредка и не помаргивал бровями, можно было бы подумать, что он

спит. Рядом с ним сидела, дрожа от утреннего холода и волнения, хорошенькая, выхоленная левретка с длинными, тонкими ножками и остренькой мордочкой. Время от времени она нервно зевала, свивая при этом трубочкой свой розовый язычок и сопровождая каждый зевок длинным тонким визгом... Ближе к заднему концу клетки плотно прижалась к решётке чёрная гладкая такса с жёлтыми подпалинами на груди и бровях. Она никак не могла оправиться от изумления, которое придавало необыкновенно комичный вид её длинному, на вывороченных низких лапках, туловищу крокодила и серьёзной мордочке с ушами, чуть не волочившимися по полу.

Кроме этой более или менее светской компании, в клетке находились ещё две несомненные дворняжки. Одна из них, похожая на тех псов, что повсеместно зовутся Бутонами и отличаются низменным характером, была космата, рыжа и имела пушистый хвост, завёрнутый в виде цифры 9. Она попала в клетку раньше всех и, по-видимому, настолько освоилась со своим исключительным положением, что давно уже искала случая завязать с кем-нибудь интересный разговор. Последнего пса почти не было видно; он забился в самый тёмный угол и лежал там, свернувшись клубком. За всё время он только один раз приподнялся, чтобы зарычать на близко подошедшего к нему Джека, но и этого было довольно для возбуждения во всём случайном обществе сильнейшей антипа-

тии к нему. Во-первых, он был фиолетового цвета, в который его вымазала шедшая на работу артель маляров. Во-вторых, шерсть на нём стояла дыбом и при этом отдельными клоками. В-третьих, он, очевидно, был зол, голоден, отважен и силён; это сказалось в том решительном толчке его исхудалого тела, с которым он вскочил навстречу опешившему Джеку.

Молчание длилось с четверть часа. Наконец Джек, которого ни в каких жизненных случаях не покидал здравый юмор, заметил фатовским тоном:

— Приключение начинает становиться интересным. Любопытно, где эти джентльмены сделают первую станцию?

Старому пуделю не понравился легкомысленный тон коричневого пойнтера. Он медленно повернул голову в сторону Джека и отрезал с холодной насмешкой:

— Я могу удовлетворить ваше любопытство, молодой человек. Джентльмены сделают станцию в живодёрне. <...>

— Извините... но я вас не совсем точно понял... Живодёрня... Что же это за учреждение — живодёрня? Не будете ли вы так добры объяснить?..

Пудель молчал. Но так как левретка и такса присоединились к просьбе Джека, то старик, не желая оказаться невежливым перед дамами, должен был привести некоторые подробности.

— Это, видите ли, *mesdames*, такой большой двор, обнесённый высоким, остроконеч-

ным забором, куда запирают пойманных на улицах собак. Я имел несчастье три раза попасть в это место.

— Эка невидаль! — послышался хриплый голос из тёмного угла. — Я в седьмой раз туда еду.

Несомненно, голос, шедший из угла, принадлежал фиолетовому псу. Общество было шокировано вмешательством в разговор этой растерзанной личности и потому сделало вид, что не слышит её реплики. <...>

— Я там бывал три раза, — продолжал пудель, — но всегда приходил мой хозяин и брал меня оттуда (я занимаюсь в цирке, и, вы понимаете, мною дорожат)... Так вот-с, в этом неприятном месте собираются зарáz сотни две или три собак...

— Скажите, а бывает там порядочное общество? — жеманно спросила левретка.

— Случается. Кормили нас необыкновенно плохо и мало. Время от времени неизвестно куда исчезал один из заключённых, и тогда мы обедали супом из...

Для усиления эффекта пудель сделал небольшую паузу, обвёл глазами аудиторию и добавил с деланным хладнокровием:

— ...из собачьего мяса.

При последних словах компания пришла в ужас и негодование.

— Чёрт возьми! Какая низкая подлость! — воскликнул Джек.

— Я сейчас упаду в обморок... мне дурно, — прошептала левретка.

— Это ужасно... ужасно! — простонала такса.

— Я всегда говорил, что люди подлецы! — проворчал мышастый дог.

— Какая страшная смерть! — вздохнул Бутон.

И только один голос фиолетового пса звучал из своего тёмного угла мрачной и циничной насмешкой:

— Однако этот суп ничего... недурён... хотя, конечно, некоторые дамы, привыкшие к цыплячьим котлетам, найдут, что собачье мясо могло бы быть немного помягче.

Пренебрёгши этим дерзким замечанием, пудель продолжал:

— Впоследствии, из разговора своего хозяина, я узнал, что шкура наших погибших товарищей пошла на выделку дамских перчаток. Но, — приготовьте ваши нервы, mesdames, — но этого мало. Для того, чтобы кожа

была нежнее и мягче, её сдирают с живой собаки.

Отчаянные крики прервали слова пуделя:

— Какое бесчеловечие!..

— Какая низость!

— Но это же невероятно!

— О Боже мой, Боже мой!

— Палачи!..

— Нет, хуже палачей!..

После этой вспышки наступило напряжённое и печальное молчание. В уме каждого слушателя рисовалась страшная перспектива сдирания заживо кожи.

— Господа, да неужели нет средства раз навсегда избавить всех честных собак от постыдного рабства у людей? — крикнул запальчиво Джек.

— Будьте добры, укажите это средство, — сказал с иронией старый пудель.

Собаки задумались.

— Перекусать всех людей, и баста! — брякнул дог озлобленным басом.

— Вот именно-с, самая радикальная мысль, — поддержал подобострастно Бутон. — По крайности будут бояться.

— Так-с... перекусать... прекрасно-с, — возразил старый пудель. — А какого вы мнения, милостивый государь, относительно *арапников*? Вы изволите быть с ними знакомы?

— Гм... — откашлялся дог.

— Гм... — повторил Бутон.

— Нет-с, я вам доложу, государь мой, нам с людьми бороться не приходится. Я немало помыкался по белу свету и могу ска-

зять, что хорошо знаю жизнь... Возьмём, например, хоть такие простые вещи, как конура, арапник, цепь и намордник, — вещи, я думаю, всем вам, господа, неизвестные?.. Предположим, что мы, собаки, со временем и додумаемся, как от них избавиться... Но разве человек не изобретёт тотчас же более усовершенствованных орудий? Непременно изобретёт. Вы поглядели бы, какие конуры, цепи и намордники строят люди друг для друга! Надо подчиняться, господа, вот и всё-с. Таков закон природы-с.

— Ну развёл философию, — сказала такса на ухо Джеку. — Терпеть не могу стариков с их поучениями.

— Совершенно справедливо, *mademoiselle*, — галантно махнул хвостом Джек. <...>

— Но где же здесь справедливость, — заволновалась вдруг молчавшая до сих пор левретка. — Вот хоть вы, господин пудель... извините, не имею чести знать имени...

— Арто, профессор *эквилибристики*, к вашим услугам, — поклонился пудель.

— Ну вот, скажите же мне, господин профессор, вы, по-видимому, такой опытный пёс, не говоря уже о вашей учёности; скажите, где же во всём этом высшая справедливость? Неужели люди настолько достойнее и лучше нас, что безнаказанно пользуются такими жестокими привилегиями?..

— Не лучше и не достойнее, милая барышня, а сильнее и умней, — возразил с горечью Арто. — О! мне прекрасно известна нравственность этих двуногих животных...

Во-первых, они жадны, как ни одна собака в мире. У них настолько много хлеба, мяса и воды, что все эти чудовища могли бы быть вдоволь сытыми целую жизнь. А между тем какая-нибудь десятая часть из них захватила в свои руки все жизненные припасы и, не будучи сама их в состоянии сожрать, заставляет остальных девять десятых голодать. Ну, скажите на милость, разве сытая собака не уделит обглоданной кости своей соседке?

— Уделит, непременно уделит, — согласились слушатели.

— Гм! — крикнул дог с сомнением.

— Кроме того, люди злы. Кто может сказать, чтобы один пёс умертвил другого из-за любви, зависти или злости? Мы кусаемся иногда — это справедливо. Но мы не лишаем друг друга жизни.

— Действительно так, — подтвердили слушатели.

— Скажите ещё, — продолжал белый пудель, — разве одна собака решится запретить другой собаке дышать свежим воздухом и свободно высказывать свои мысли об устройении собачьего счастья? А люди это делают!

<...>

— В заключение я скажу, что люди лицемерны, завистливы, лживы, негостеприимны и жестоки... И всё-таки люди господствуют и будут господствовать, потому что... потому что так уже устроено. Освободиться от их владычества невозможно... Вся собачья жизнь, всё собачье счастье в их руках. В тепереш-

нем нашем положении каждый из нас, у кого есть добрый хозяин, должен благодарить судьбу. Один хозяин может избавить нас от удовольствия есть мясо товарищей и чувствовать потом, как с него живьём сдирают кожу.

Слова профессора нагнали на общество уныние. Более никто не произнёс ни слова. Все беспомощно тряслись и шатались при толчках клетки. Дог скулил жалобным голосом. Бутон, державшийся около него, тихонько подвывал ему.

Вскоре собаки почувствовали, что колёса их экипажа едут по песку. Через пять минут клетка въехала в широкие ворота и очутилась среди огромного двора, обнесённого кругом сплошным забором, утыканным наверху гвоздями. Сотни две собак, тощих, грязных, с повешенными хвостами и грустными мордами, еле бродили по двору.

Дверь клетки отворилась. Все семеро только что приехавших псов вышли из неё и, повинаясь инстинкту, сбились в кучу.

— Эй, послушайте, как вас там... эй вы, профессор!.. — услышал пудель сзади себя чей-то голос.

Он обернулся: перед ним стоял с самой наглой улыбкой фиолетовый пёс.

— Ах, оставьте меня, пожалуйста, в покое, — огрызнулся старый пудель. — Не до вас мне.

— Нет, я только одно замечаньице... Вот вы в клетке-то умные слова говорили, а всё-таки одну ошибочку сделали... Да-с.

— Да отвяжитесь от меня, чёрт возьми! Какую там ещё ошибочку?

— А насчёт собачьего счастья-то... Хотите, я вам сейчас покажу, в чьих руках собачье счастье?

И вдруг, прижавши уши, вытянув хвост, фиолетовый пёс понёсся таким бешеным карьером, что старый профессор эквилибристики только разинул рот. «Лови его! Держи!» — закричали сторожа, кидаясь вслед за убегающей собакой.

Но фиолетовый пёс был уже около забора. Одним толчком отпрыгнув от земли, он очутился наверху, повиснув передними лапами. Ещё два судорожных движения, и фиолетовый пёс перекатился через забор, оставив на его гвоздях добрую половину своего бока.

Старый белый пудель долго глядел ему вслед. Он понял свою ошибку.

Стоици́зм — здесь: хладнокровие, невозмутимость.

Mesdames (мадам), *mademoiselle* (мадемуазель) — форма обращения к женщине (замужней и незамужней).

Ара́пник — длинный охотничий кнут.

Эквилибристика — жанр циркового искусства; способность удерживать равновесие при неустойчивом положении тела.

В чём же состоит собачье счастье? Как об этом говорит автор?

А.П. Чехов

Белолобый

(В сокращении)

I

Голодная волчиха встала, чтобы идти на охоту. Её волчата, все трое, крепко спали, сбившись в кучу, и грели друг друга. Она облизала их и пошла. <...>

Она была уже немолода, и чутьё у неё ослабело, так что, случалось, лисий след она принимала за собачий и иногда даже, обманутая чутьём, сбивалась с дороги, чего с нею никогда не бывало в молодости. По слабости здоровья она уже не охотилась на телят и крупных баранов, как прежде, и уже далеко обходила лошадей с жеребятами, а питалась одною падалью; свежее мясо приходилось кушать очень редко, только весной, когда она, набредя на зайчиху, отнимала у неё детей или забиралась к мужикам в хлев, где были ягнята.

В верстах четырёх от её логовища, у почтовой дороги, стояло зимовье. Тут жил сторож Игнат, старик лет семидесяти, который всё кашлял и разговаривал сам с собой; обыкновенно ночью он спал, а днём бродил по лесу с ружьём-одностволкой и посвистывал на зайцев. <...> При нём находилась громадная чёрная собака неизвестной породы, по имени Арапка. Когда она забегала далеко вперёд, то он кричал ей: «Задний ход!» <...>

Волчиха помнила, что летом и осенью около зимовья паслись баран и две ярки, и когда она не так давно пробежала мимо, то ей слышалось, будто в хлеву блеяли. И теперь, подходя к зимовью, она воображала, что уже март и, судя по времени, в хлеву должны быть ягнята непременно. Её мучил голод, она думала о том, с какою жадностью она будет есть ягнёнка, и от таких мыслей зубы у неё щёлкали и глаза светились в потёмках, как два огонька.